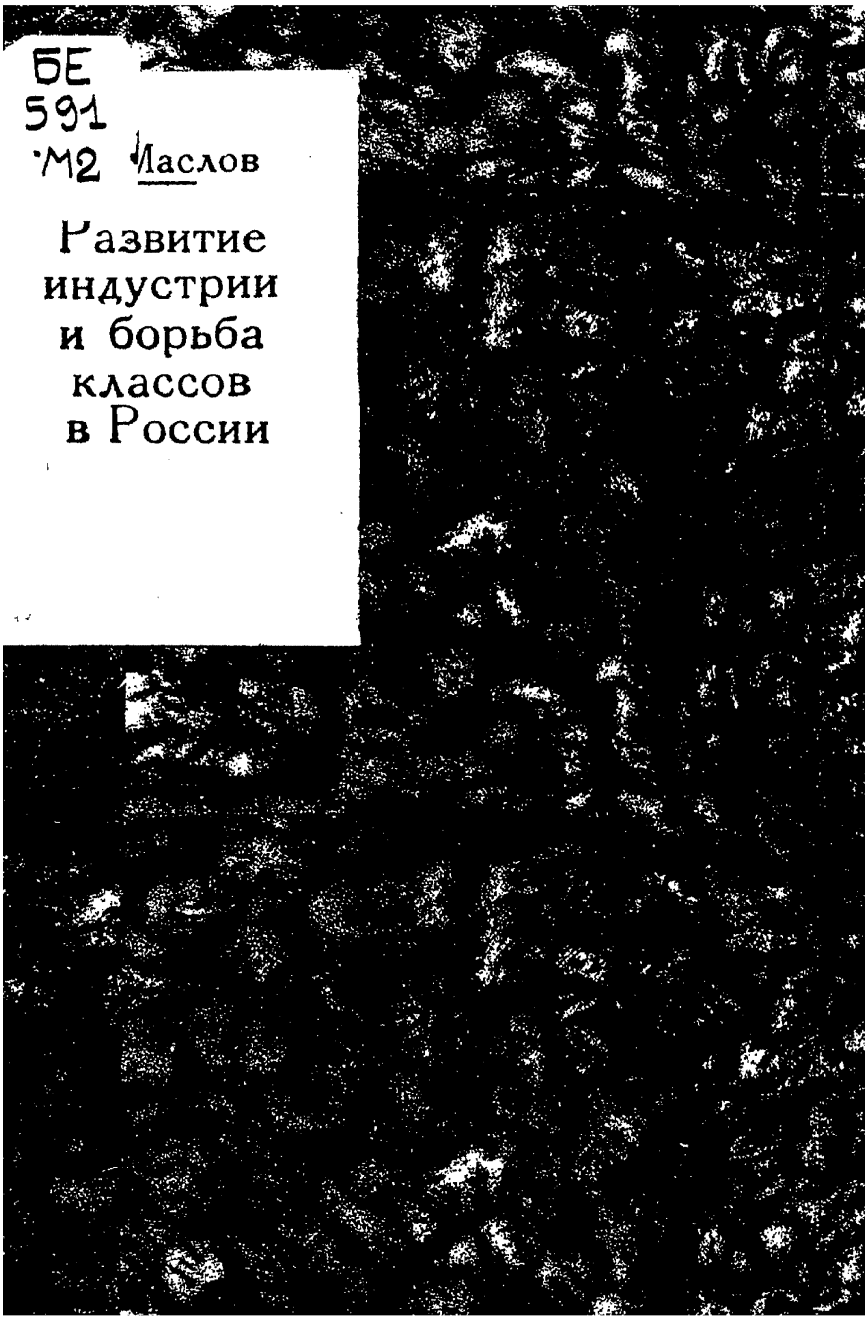
БЕ
591
.М2

Маслов

Развитие индустрии и борьба классов в России

1238
28

Развитіе индустріи и борьба классовъ въ Россіи.

I.

Если мы будемъ разсматривать развитіе земледѣлія и обрабатывающей промышленности въ цѣломъ, какъ процессъ развитія капитализма, разрушающій старый укладъ экономической жизни, то мы найдемъ, что въ Россіи повторяется то же, что происходило уже въ Западной Европѣ: тотъ же процессъ разрушенія мелкаго хозяйства въ индустріи, ростъ городовъ и крупнаго производства; тотъ же процессъ разрушенія натуральнаго крестьянскаго хозяйства, вовлеченіе его въ товарный обмѣнъ, который привелъ къ производству на міровой рынокъ и подчиненію торговому капиталу. Тенденціи экономическаго развитія и его направленіе въ Россіи таковы же, какъ и въ Западной Европѣ, но въ процессѣ хозяйственной эволюціи страны были свои особенности, которыя повліяли на борьбу общественныхъ силъ, происходившую параллельно съ экономическимъ развитіемъ Россіи и въ прямой зависимости отъ этого развитія.

Для насъ, въ данномъ случаѣ, и важно выяснить особенности экономической эволюціи Россіи, которыя повели къ своеобразному сочетанію общественныхъ силъ въ ихъ экономической и политической борьбѣ.

На особенностяхъ развитія земледѣлія мы остановимся въ другой разъ, когда намъ придется выяснять роль крестьянства и дворянства въ современной общественной борьбѣ, теперь же мы разсмотримъ эволюцію земледѣлія лишь для того, чтобы опредѣлить ея вліяніе на развитіе индустріи и на развитіе государственной власти.

Въ Западной Европѣ передвиженіе населенія прекратилось очень рано; со времени „великаго переселенія народовъ“ европейцы осѣли на занятыхъ каждымъ племенемъ мѣстахъ и размноженіе населенія происходило уже на разъ занятой территоріи. При такихъ условіяхъ въ земледѣліи, по мѣрѣ уплотненія насе-

ленія долженъ былъ наступить моментъ перехода къ болѣе интенсивной культурѣ тѣмъ раньше, чѣмъ плотнѣе становилось населеніе, чѣмъ сильнѣе оно размножалось. Раньше должно было развиться и крѣпостное право, которое возможно при осѣдлости населенія, раньше должны были развиться города, въ которыхъ сосредоточивалось промышленное населеніе. Только въ періодъ развитія капитализма начинается сильная эмиграція населенія въ колоніи, но этотъ процессъ не оказывалъ существеннаго вліянія на распредѣленіе производительныхъ силъ въ Западной Европѣ: земледѣльческое населеніе увеличивалось *въ колоніяхъ*, а въ метрополіи неуклонно продолжалось сокращеніе земледѣльческаго населенія и усиленіе вліянія города, направлявшаго и въ значительной степени опредѣлявшаго ходъ и исходъ борьбы общественныхъ силъ.

Въ Россіи, благодаря особымъ географическимъ и историческимъ условіямъ, развитіе земледѣлія и развитіе города происходило инымъ путемъ.

Сосѣдство земель, занятыхъ или кочевыми пастушескими или охотничьими племенами, съ одной стороны давало возможность государственной власти расширить территорію государства до огромныхъ размѣровъ. Съ другой стороны—земледѣльческое населеніе могло въ теченіе всего періода развитія русскаго государства, вплоть до 20-го вѣка, разселяться по обширной территоріи и этимъ путемъ ослаблять невыносимый налоговый гнетъ государства и крѣпостного права.

Правда, захватъ земель въ руки частныхъ собственниковъ происходилъ еще въ Кіевской Руси, но „закабаленіе“, пріобрѣтеніе даровыхъ работниковъ посредствомъ ссуды кредита и проч., продолжается вплоть до XVIII столѣтія. Только указами Петра Великаго отмѣняется холопство, и крѣпостное право распространяется на всѣхъ крестьянъ, живущихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ.

При обширности территоріи и при постоянной тенденціи государства и помѣщиковъ эксплуатировать крестьянъ и горожанъ, даже жители городовъ употребляли радикальное средство, „брели розно“. Крестьяне „черныхъ волостей“ въ XVII столѣтіи разбѣгались „отъ многихъ податей и отъ великихъ непомѣрныхъ правежей, отъ солдатскихъ кормовъ, отъ ямскихъ отпусковъ и т. д., а дворяне, въ свою очередь, жалуются, что „крестьяне бѣгутъ на черныя боярскія и патріаршія земли“. Если ужъ сами горожане „брели розно“, то ясно, что крестьяне не могли найти въ городѣ убѣжища отъ помѣщичьяго, фискальнаго и административнаго гнета.

Разселеніе земледѣльческаго населенія было выгодно и госу-

дарственной власти, поскольку она стремилась расширить государственную территорію. Поэтому, въ угоду дворянству преслѣдуя бѣглыхъ крестьянъ и ихъ укрывателей, правительство смотрѣло сквозь пальцы на то, что окраины заселяются бѣглыми даже тогда, когда оно было уже въ силахъ остановить такое заселеніе.

Этой текучестью населенія въ теченіе всей русской исторіи и обширностью территоріи объясняется и слабость феодализма въ Россіи, и слабость городовъ и промышленности въ нихъ, и колоссальные размѣры государственной организаціи, приблизившейся по своему типу къ великимъ азіатскимъ имперіямъ и наложившей своеобразный отпечатокъ на классовую борьбу въ періодъ развитія капитализма.

Чичеринъ, отмѣчая „колонизаторскій характеръ поселеній" крестьянъ, справедливо указывалъ на это, какъ на причину внѣродового, „странняго" происхожденія землевладѣльцевъ, которые при такихъ условіяхъ могли опираться лишь на государственную власть во время развитія крѣпостного права. Такимъ образомъ, и благодаря внѣшнимъ условіямъ — борьбѣ съ болѣе отсталыми восточными и юговосточными сосѣдями, на счетъ которыхъ расширялась территорія,—и благодаря внутреннему развитію общественности — слабости привиллегированныхъ сословій,— государственная власть и организація развиваются до колоссальныхъ размѣровъ, не встрѣчая препятствія ни внутри страны, ни внѣ ея.

Этими же причинами объясняется и слабость городовъ и городской промышленности.

Чрезмѣрное усиленіе государственной власти, какъ мы видѣли приводило къ тому, что даже городское населеніе разбѣгалось. Пустѣли такіе города, какъ Новгородъ и Псковъ. На Западѣ крестьяне, бѣжавшіе отъ крѣпостного права въ городъ, находили здѣсь свободу и защиту, занимались промысломъ и, усиливая городскія сословія, содѣйствовали росту и независимости городовъ, развитію городской промышленности и дальнѣйшему переходу ея отъ цехового строя къ мануфактурѣ и капиталистическому производству. Въ Россіи крестьяне бѣжали на окраины. Промышленность, удовлетворявшая потребности деревенскаго населенія, ютилась также въ деревняхъ, въ избахъ земледѣльцевъ-кустарей. Тѣ же причины, которыя ослабляли дворянство, ослабляли и городскую буржуазію и задерживали развитіе городской промышленности.

Гипертрофія государственной власти и государственнаго бюджета до періода развитія капитализма истощала городъ, лишала его той притягательной силы для ремесленнаго населенія, кото-

рую онъ имѣлъ на Западѣ, а возможность разселенія по обширной территоріи облегчала распыленіе промысловъ по деревнямъ.

Между тѣмъ государственная власть, которая въ значительной степени мѣшала развитію города и городской промышленности, сама для своихъ цѣлей чувствовала потребность въ продуктахъ обрабатывающей промышленности.

Благодаря развитію капитализма и промышленности, государства Западной Европы могли постоянно вводить все новыя и новыя усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ, въ вооруженіи, снаряженіи и передвиженіи войска, затрачивая на это огромныя средства. Россіи для того, чтобы оставаться въ числѣ „великихъ“ державъ, также требовались не только колоссальныя средства для содержанія и вооруженія арміи, но, для тѣхъ же цѣлей, и развитіе обрабатывающей промышленности, улучшенные пути сообщенія и т. д. Несмотря на то, что государственная власть стремилась использовать всѣ источники доходовъ, какіе только возможно было найти въ бѣдной крестьянской странѣ, все-таки въ нихъ чувствовался постоянный недостатокъ. Чувствительно было и отсутствіе хорошихъ путей сообщенія, и промышленныхъ предпріятій, которыя обслуживали бы потребности государства.

Подрывая самые корни, на которыхъ могла развиться индустрія, государство въ то же время стремится насадить промышленность для удовлетворенія своихъ потребностей. Огромная доля продуктовъ, производимыхъ страной, отчуждается въ пользу государства и реализируется въ удовлетвореніи государственныхъ потребностей, главнымъ образомъ въ затратахъ на армію. Потребленіе населеніемъ продуктовъ обрабатывающей промышленности сокращается для того, чтобы увеличить „непроизводительное“ потребленіе. Поэтому, когда въ Россіи развивается крупное производство, оно удовлетворяетъ прежде всего потребности государства, а не населенія. Во время крѣпостного права добыча и обработка металловъ, производство сукна и т. п., производится при поддержкѣ правительства и для его потребностей. Послѣ отмѣны крѣпостного права постройка желѣзныхъ дорогъ находится или въ рукахъ правительства, или въ тѣсной отъ него зависимости. А съ постройкой желѣзныхъ дорогъ были тѣсно связаны и другія отрасли промышленности.

Судьбы развитія промышленности въ Россіи не даромъ вызывали теперь уже забытые споры. Въ настоящее время выясненіе хода ея развитія проливаетъ свѣтъ на происходившую недавно обостренную борьбу классовъ, ходъ и исходъ которой гораздо лучше выяснится, если прослѣдить развитіе индустріи. Съ нимъ тѣсно связано развитіе города и городскихъ классовъ, имѣвшихъ рѣшающее значеніе въ ходѣ общественной борьбы.

Споры марксистовъ съ народниками въ 90-хъ годахъ сводились къ вопросу о томъ, имѣетъ ли капитализмъ въ Россіи почву для своего развитія. Народники доказывали, что капитализмъ искусственно насажденъ правительствомъ и долженъ исчезнуть, если лишится покровительственной поддержки. Марксисты доказывали, что капитализмъ быстро развивается и является неизбѣжной стадіей хозяйственнаго развитія страны. Указывая на искусственность развитія капитализма въ Россіи, народники приходили къ выводу, что у насъ нѣтъ и буржуазіи какъ могущественнаго класса, который можетъ постоять за свои интересы и вступить въ борьбу, какъ со старымъ государственнымъ строемъ, такъ и съ соціализмомъ. Если крупное производство существуетъ только благодаря благосклонному содѣйствію правительства, то ясно, что буржуазія не можетъ противъ него выступить, такъ какъ это грозило бы ея собственному существованію. Такой выводъ въ настоящее время заимствованъ у народниковъ и нѣкоторыми марксистами, которые также считаютъ буржуазію безсильной бороться за свое политическое господство, бороться и съ правительствомъ и съ рабочими.

Исторія развитія промышленности въ Россіи давала, казалось, нѣкоторое основаніе, какъ выводамъ народниковъ 80—90-хъ годовъ объ „искусственности“ русскаго капитализма, такъ и признанію безсилія буржуазіи бороться за свое политическое господство при современномъ строѣ.

Хотя въ спорахъ о судьбахъ капитализма въ Россіи марксисты были въ общемъ правы, но не всѣ ихъ соображенія были правильны. Во всякомъ случаѣ, въ полемикѣ 90-хъ годовъ, напр., Туганъ-Барановскій, доказывавшій независимость развитія капитализма отъ урожаевъ хлѣбовъ, т. е. отъ состоянія внутренняго рынка, былъ столько же неправъ, какъ и народники, доказывавшіе „искусственность“ русскаго капитализма.

Предметы городской обрабатывающей промышленности обмѣниваются на продукты земледѣлія, на продукты, произведенные въ деревнѣ. Въ Россіи этотъ обмѣнъ происходилъ двоякимъ путемъ. Огромная часть продуктовъ земледѣлія продавалась не для непосредственнаго обмѣна черезъ куплю-продажу—на продукты обрабатывающей промышленности, а для уплаты всякихъ платежей государству. Послѣднее уже покупало продукты индустріи для своихъ потребностей, или передавало деньги въ видѣ жалованья различнымъ служащимъ для удовлетворенія ихъ потребностей.

Другая часть продуктовъ земледѣлія продавалась крестьянами для удовлетворенія своихъ потребностей въ предметахъ обраба-

тывающей промышленности. Ясно, что чѣмъ больше брало государство себѣ, тѣмъ меньше оставалось крестьянамъ, чѣмъ больше государство „поддерживало“ индустрію своими заказами, своимъ покровительствомъ, тѣмъ меньше она могла опираться на деревенскаго потребителя, тѣмъ меньше онъ имѣлъ для нея значенія. „Насажденіе“ капитализма, т. е. поддержаніе тѣхъ отраслей промышленности, которыя обслуживаютъ потребности государства, такъ же какъ и вздутіе цѣнъ посредствомъ запретительныхъ пошлинъ, сокращаетъ производство для массоваго потребленія, производство, которое является лучшей почвой для развитія капитализма. Такимъ образомъ народники, указывая на поддержку капитализма правительствомъ, упускали изъ виду, что эта „поддержка“ является сильнѣйшимъ тормазомъ развитію крупнаго производства для массоваго потребителя. Если, благодаря содѣйствію правительства, для постройки дорогого флота, для снаряженія арміи, существовало крупное производство, то по той же причинѣ крестьянинъ имѣлъ вмѣсто желѣзной соломенную крышу, вмѣсто плуга—соху, вмѣсто молотилки—цѣпъ и проч. Покровительствомъ задерживалось развитіе производства, обслуживающаго потребности крестьянъ. Для развитія капитализма необходимо развитіе производительныхъ силъ и накопленіе капитала. Чѣмъ легче происходитъ процессъ накопленія, тѣмъ быстрѣе развивается и капитализмъ.

Непроизводительное потребленіе огромной части дохода крестьянскаго хозяйства задерживало развитіе и земледѣлія, и индустріи, потому что нищета крестьянъ и техническая отсталость ихъ хозяйства сокращали потребленіе предметовъ обрабатывающей промышленности и задерживали техническій прогрессъ въ земледѣліи.

Огромная роль государственнаго хозяйства и правительственной власти въ распредѣленіи производительныхъ силъ страны повліяла на борьбу и на соотношеніе общественныхъ силъ. *Пока* крупное производство не развилось до такихъ размѣровъ, что главнымъ покупателемъ является массовый потребитель, а не правительство, пока накопленіе капитала не достигаетъ такого предѣла, когда становится необходимымъ углубленіе внутренняго рынка, пока предприниматель не почувствуетъ, что государственный строй мѣшаетъ расширенію рынка, до тѣхъ поръ крупный капиталъ является и долженъ являться вѣрнымъ союзникомъ отсталой государственной организаціи. Предприниматель не можетъ отвернуться отъ своего главнаго заказчика, отъ главнаго источника своихъ колоссальныхъ доходовъ, пока заказчикъ обладаетъ достаточными средствами для удовлетворенія аппетитовъ предпринимателя. Но государственный бюджетъ не можетъ такъ

расти, какъ накопляется капиталъ. Рано или поздно долженъ былъ наступить моментъ, когда на первое мѣсто передъ предпринимателемъ выдвигается вопросъ: гдѣ найти потребителя, почему мужики, которыхъ такъ много, покупаютъ слишкомъ мало? До русско-японской войны можно было надѣяться, что если не русскій мужикъ, то персъ, монголъ, китаецъ будутъ больше покупать, если настроить къ нимъ дорогн. Пока можно было питать эти послѣднія надежды, до тѣхъ поръ можно было мириться еще съ неудобствами полицейскаго режима. Вотъ тѣ соображенія, которыя до начала XX вѣка дѣлали „благонамѣренной“ крупную буржуазію. Но уже во второй половинѣ 90-хъ годовъ становится ясно, что быстрое расширеніе производства приведетъ къ кризису. Промышленность настолько выросла, что къ концу девяностыхъ годовъ предприниматели даже тѣхъ отраслей промышленности, для которыхъ правительственные заказы давали наибольшій доходъ, должны были обратиться къ поискамъ массоваго потребителя. Выводы объ искусственности русскаго капитализма, о связи крупной буржуазіи съ правительствомъ основывались на неправильной оцѣнкѣ замѣченныхъ фактовъ. На опредѣленной стадіи развитія капитализма въ Россіи государственная власть дѣйствительно содѣйствовала развитію *нѣкоторыхъ* отраслей промышленности, *задерживая* развитіе другихъ отраслей, которыя могли опираться на массовое потребленіе. Въ *этотъ* періодъ крупная буржуазія является тѣсно связанной съ правительствомъ именно потому, что она еще не выросла изъ рамокъ существовавшаго политическаго строя, который при дальнѣйшемъ ея развитіи становится стѣснительнымъ.

Ошибка народниковъ и марксистовъ, заимствовавшихъ у первыхъ воззрѣнія на роль русской буржуазіи, заключается въ томъ, что характеръ капиталистическаго производства въ одинъ періодъ его развитія они разсматриваютъ неисторически, какъ постоянное и неизмѣнное его свойство. Отъ нихъ ускользаетъ измѣнчивость общественныхъ отношеній, свойственная капиталистическому строю въ различные моменты его развитія. Между тѣмъ, развитіе общественныхъ отношеній въ Россіи какъ разъ наглядно показываетъ, что даже наиболѣе реакціонный классъ—земельное дворянство—по причинамъ, на которыхъ мы здѣсь не остановимся, нѣкоторое время былъ въ рядахъ оппозиціи, пока ему это было выгодно.

Изъ статистическихъ данныхъ о развитіи промышленности за послѣднее десятилѣтіе 19 вѣка ясно видно, что колоссальный ростъ промышленности неизбѣжно натолкнется на недостатокъ внутренняго рынка и на тѣ препятствія въ политическомъ строѣ,

которыя мѣшаютъ дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ страны.

По даннымъ г. Туганъ-Барановскаго въ десятилѣтіе съ 1886 г. по 1896 г. число рабочихъ возросло съ 1.671.772 человѣкъ до 2.215.881 человѣкъ. Размѣры производства за этотъ періодъ возросли, разумѣется, въ гораздо большей степени, чѣмъ число рабочихъ. Такой колоссальный ростъ крупнаго производства ясно показываетъ, что всяческія правительственныя субсидіи, заказы и проч. должны отступить на второй планъ передъ массовымъ потребителемъ, что промышленность въ такихъ размѣрахъ не можетъ держаться только на счетъ тѣхъ средствъ, которыя получаются правительствомъ отъ населенія посредствомъ налоговъ; что производительныя силы страны выросли изъ тѣхъ условій, въ которыя поставлено общество традиціоннымъ политическимъ строемъ.

Если, продолжая анализъ развитія промышленности, мы посмотримъ на распредѣленіе капиталовъ въ различныхъ ея отрасляхъ, въ различные періоды ея развитія, то станетъ еще болѣе ясной тенденція хозяйственнаго развитія страны и роль крупнаго капитала въ различные періоды его развитія.

Въ періодъ до 90-хъ годовъ значительная часть накопленнаго капитала затрачивается въ кредитныя, транспортныя и торговыя предпріятія. Капиталъ еще эксплуатируетъ въ значительной своей части старое докапиталистическое, главнымъ образомъ, крестьянское хозяйство, оперируя торговлей и транспортомъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ девяностыхъ годахъ растетъ, главнымъ образомъ, капиталъ, затрачиваемый въ производство.

Такое перераспредѣленіе производительныхъ силъ въ 90-хъ годахъ измѣняетъ и взаимное отношеніе общественныхъ силъ: увеличеніе количества рабочихъ въ производствѣ и увеличеніе участія крупной буржуазіи въ обрабатывающей промышленности выдвигаютъ эти два общественныхъ класса на первое мѣсто и неизбѣжно приводятъ ихъ не только къ взаимной экономической борьбѣ, но и къ борьбѣ за политическое вліяніе. Если эта борьба кончилась пораженіемъ рабочихъ и отступленіемъ крупной буржуазіи передъ правительствомъ и землевладѣльцами, то это еще не доказываетъ, что тотъ и другой классъ ограничатся взаимной борьбой между собой и откажутся отъ борьбы за политическое вліяніе и господство. Объективныя силы хозяйственнаго развитія неизбѣжно толкнутъ буржуазію на борьбу и съ крупнымъ землевладѣніемъ, съ которымъ у нея теперь заключенъ такой трогательный союзъ.

Такимъ образомъ въ первоначальный періодъ развитія круп-

наго производства, вплоть до начала двадцатаго вѣка, крупная буржуазія должна была обнаруживать политическую скромность вовсе не потому, что она была безсильна и вовсе не потому, что капитализмъ „искусственно“ поддерживался, — безъ такой „подлержки“ онъ развился бы гораздо сильнѣе, опираясь на массовое потребленіе,—а потому, что задерживалось развитіе производства на широкій внутренній рынокъ и долго сохранялась зависимость крупнаго капитала отъ правительства.

Мелкая и средняя буржуазія, вслѣдствіе особыхъ условій докапиталистическаго производства, также не могла проявлять себя въ качествѣ самостоятельной общественной силы. Почти полное отсутствіе средневѣковаго ремесла и мануфактуры мѣшало развитію городской буржуазной демократіи. Мелкая и средняя буржуазія до періода развитія капитализма сосредоточивала въ своихъ рукахъ главнымъ образомъ торговлю продуктами земледѣлія и кустарнаго производства.

Эти слои городского населенія, существуя торговой и ростовщической эксплуатаціей деревенскаго населенія, не принимая участія въ организаціи производства, являлись политически наиболѣе отсталыми элементами городского населенія и не могли представлять значительной политической силы. Во всякомъ случаѣ не изъ этого класса могла организоваться буржуазная демократія.

Когда начинаетъ развиваться капиталистическое производство, оно встрѣчаетъ на своемъ пути не мелкихъ ремесленниковъ, которыхъ разворяютъ въ Западной Европѣ, а кустарей земледѣльцевъ, живущихъ ве деревнѣ и тѣсно связанныхъ съ земледѣліемъ.

Ростъ городовъ, тѣсно связанный съ развитіемъ капитализма, создаетъ мелкую, среднюю, и крупную буржуазію, но ея положеніе уже совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе городской буржуазіи на Западѣ. Тамъ она представляла самостоятельную силу, боролась въ теченіе вѣковъ противъ феодализма, а потомъ противъ абсолютизма; здѣсь она выросла вмѣстѣ съ ростомъ крупнаго капиталистическаго производства. При этомъ мелкая и средняя буржуазія оказывается тѣсно связанной съ крупнымъ производствомъ и въ значительной своей части лишь обслуживаетъ его, занимая положеніе привиллегированнаго рабочаго. Крупное производство и крупный торговый капиталъ требуютъ въ большомъ количествѣ квалифицированнаго интеллигентнаго труда, создаютъ многочисленную армію служащихъ, занимающую промежуточное положеніе между крупной буржуазіей и рабочимъ классомъ. Начиная съ приказчиковъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, конторщиковъ, телеграфистовъ и проч. и кончая адвокатами, инженерами, вра-

чами и проч., этотъ промежуточный классъ представляетъ собою многочисленный слой, тѣсно связанный съ крупнымъ производствомъ, но въ то же время враждебный ему постольку, поскольку капиталъ его эксплуатируетъ.

Эта масса мелкой и средней буржуазіи [1]), будучи распыленной, не имѣя историческаго опыта экономической и политической борьбы, не представляла изъ себя большой физической организованной силы, но въ моментъ наибольшаго подъема могла сыграть огромную роль, какъ необходимый элементъ въ производствѣ, торговлѣ и общественныхъ учрежденіяхъ, при попустительствѣ или сочувствіи крупной буржуазіи—хозяевъ капиталистическаго производства.

II.

Экономически наиболѣе сильнымъ классомъ въ настоящее время въ Россіи является крупная буржуазія, но благодаря указаннымъ нами историческимъ условіямъ она только въ началѣ текущаго столѣтія могла выступить, какъ самостоятельная политическая сила.

Въ большей части тѣхъ отраслей промышленности, которыя существовали и существуютъ для удовлетворенія потребностей главной массы населенія—крестьянъ, преобладаетъ еще кустарное производство. Капиталъ и въ настоящее время еще проникаетъ туда лишь въ видѣ *торговаго* капитала, предоставляющаго рискъ веденія предпріятія самому кустарю. При такихъ условіяхъ капиталъ находится еще въ первой стадіи первоначальнаго накопленія, а капиталистъ является политически и культурно наиболѣе отсталымъ.

Въ сферѣ крупнаго *производства*, какъ мы замѣтили, крупный капиталъ до начала текущаго столѣтія былъ въ тѣсной зависимости отъ правительства. Колоссальныя средства, которыми оно располагало, шли въ той или иной формѣ въ руки крупнаго капиталиста.

Хотя обложеніе населенія тяжелыми налогами мѣшало развитію внутренняго рынка и сокращало народное потребленіе продуктовъ крупнаго производства, хотя правительство безконтрольно растрачивало огромную часть національнаго дохода, тѣмъ не менѣе въ первый періодъ развитія капитализма, вплоть до начала текущаго столѣтія, эти отрицательныя стороны бюрократическаго

[1]) Употребляемъ это названіе условно, противопоставляя эту часть общества рабочему классу. Необходимость такой оговорки показываетъ, насколько отличается наше „среднее сословіе“ отъ „средняго сословія“ въ Западной Европѣ эпохи революцій.

строя не были особенно чувствительны для крупной буржуазіи. На первыхъ стадіяхъ своего развитія она могла довольствоваться тѣмъ покровительствомъ и тѣми подачками, заказами и проч., которые получала отъ правительства и тѣмъ рынкомъ, который создавался благодаря расширенію сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Уже къ концу девятнадцатаго столѣтія капиталисты-предприниматели организовались, образуя „съѣзды", „совѣщанія" предпринимателей отдѣльныхъ отраслей промышленности, но эта организація крупнаго капитала была направлена не противъ отсталаго политическаго строя, а главнымъ образомъ противъ потребителя и для того, чтобы усилить давленіе на правительство при ходатайствахъ о дальнѣйшемъ покровительствѣ организованнымъ отраслямъ промышленности. Надежды на покровительство, надежды на проведеніе новыхъ желѣзныхъ дорогъ и на открытіе новыхъ рынковъ и, наконецъ, послѣдняя надежда на завоеваніе дальневосточнаго рынка черезъ манчжурскую желѣзную дорогу, давали достаточное основаніе крупной буржуазіи совершенно не обращать вниманія на положеніе дѣлъ внутри Россіи. А между тѣмъ „оскудѣніе центра", невозможность „углубленія" внутренняго рынка вслѣдствіе нищеты населенія—подготовляли кризисъ конца XIX и начала XX вѣка.

Промышленный подъемъ середины 90-хъ годовъ долженъ былъ закончиться тѣмъ болѣе рѣзкимъ кризисомъ, чѣмъ ниже были покупательныя силы населенія. Капиталъ, накопляясь, неизбѣжно долженъ былъ натолкнуться на препятствіе въ недостаткѣ внутренняго рынка, натолкнуться тѣмъ рѣзче, чѣмъ быстрѣе шелъ процессъ накопленія. Между тѣмъ этотъ періодъ подъема наканунѣ кризиса сопровождался еще приливомъ иностранныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ производство. Такимъ образомъ, крупная буржуазія лишь наканунѣ революціи почувствовала значеніе „внутренней политики", когда японская война показала, что надежды на новые рынки должны быть оставлены, когда стало ясно, что никакое покровительство не можетъ замѣнить внутренняго рынка, если промышленность выросла изъ пеленокъ, въ которыхъ ее лелѣяло правительство. Эта стадія развитія промышленности наступила къ началу XX вѣка и проявилась въ послѣднемъ промышленномъ кризисѣ.

Когда общественное движеніе привело къ 17-му октября, крупная буржуазія почувствовала себя удовлетворенной, но революціонное движеніе пошло дальше, чѣмъ это было ей нужно. Когда оно съ логической неизбѣжностью привело къ столкновенію между классами новаго капиталистическаго общества, когда борьба рабочаго класса направилась и противъ крупнаго капитала и ему сталъ угрожать красный призракъ, крупная буржуазія выступила

противъ него и должна была вступить въ союзъ съ правительствомъ, жертвуя своимъ политическимъ господствомъ. Чувство самосохраненія, опасенія за самое право собственности, опасенія полной невозможности вести свое хозяйство оказались сильнѣе тѣхъ неудобствъ, которыя приходилось терпѣть при старомъ порядкѣ. Причины промышленнаго кризиса, злоупотребленія бюрократіи казались менѣе опасны, чѣмъ развившееся въ борьбу съ капиталомъ рабочее движеніе.

Крупная буржуазія оказалась изолированной не только потому, что мелкая и средняя буржуазія по своей относительной слабости не могла дать достаточной опоры для борьбы и за политическое главенство, и противъ рабочихъ, но и потому, что по своему соціальному положенію послѣдняя была далека отъ крупной буржуазіи и скорѣе тяготѣла къ пролетаріату и крестьянству. Она въ большомъ количествѣ пополняла ряды соціалистовъ, а въ періодъ подъема даже широкіе ея слои окрашивались въ красный цвѣтъ. При такихъ условіяхъ крупный капиталъ долженъ былъ оставить на время мечты о своемъ политическомъ господствѣ и искать союза съ крупнымъ землевладѣніемъ, которое тянуло назадъ...

III.

Колоссальное *территоріальное* расширеніе русскаго государства оказало вліяніе не только на развитіе государственной власти, но и на развитіе капиталистическаго хозяйства. По количеству населенія Россія превосходила всѣ другія европейскія страны. По мѣрѣ того, какъ какой-нибудь продуктъ дѣлался предметомъ народнаго потребленія, передъ капиталомъ сразу открывался обширный рынокъ, допускавшій возможность массоваго производства. Точно также каждая потребность государства требовала производства продуктовъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ европейскихъ государствахъ, такъ какъ государственный бюджетъ достигалъ колоссальныхъ размѣровъ, армія была многочисленнѣе и т. д. При такихъ условіяхъ капитализмъ въ Россіи, воспользовавшись улучшенной техникой производства въ Западной Европѣ, могъ сразу организовать крупное машинное производство и размѣрами крупныхъ предпріятій превзойти другія капиталистическія страны.

Вопреки предсказаніямъ экономистовъ-народниковъ, условія для развитія капитализма въ Россіи сказались благопріятнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ. Препятствія этому развитію были только со стороны государственной власти, которая задерживала хозяйственное развитіе страны и развитіе внутренняго рынка.

Несмотря на бѣдность населенія, несмотря на неблагопріятныя политическія условія, мѣшавшія развитію самодѣятельности населенія, капиталъ организовалъ въ Россіи болѣе крупныя предпріятія, чѣмъ въ Западной Европѣ, разумѣется, въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя могли разсчитывать на массовый сбытъ. Это было возможно только благодаря обширности территоріи Россіи и благодаря многочисленности ея населенія.

Концентрація капиталистическаго производства въ первоначальный же періодъ его развитія ослабляла экономическую силу и значеніе средней буржуазіи и въ соотвѣтственной степени усиливала силу и значеніе крупной. Во многихъ отрасляхъ промышленности появляются предпріятія—„гиганты", которыя давятъ на болѣе мелкія предпріятія и побуждаютъ предпринимателей образовывать акціонерныя общества для организаціи новыхъ „гигантовъ".

Въ Россіи не имѣется точныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ *мелкихъ* капиталистическихъ предпріятій въ обрабатывающей промышленности. Можно предполагать, что мелкихъ кустарныхъ предпріятій въ Россіи значительно больше, чѣмъ, напримѣръ, въ Германіи. Во всякомъ случаѣ статистическія данныя въ Россіи настолько неточны, что нельзя сравнивать относительное количество мелкихъ предпріятій въ Россіи и Западной Европѣ. Но болѣе крупныя предпріятія въ Россіи учтены довольно точно, такъ какъ они не легко могутъ ускользнуть отъ регистраціи.

Сравненіе данныхъ [1]) о количествѣ крупныхъ предпріятій—съ числомъ рабочихъ отъ 50 до 1000 чел.,—и самыхъ крупныхъ предпріятій, — „гигантовъ", имѣющихъ болѣе 1000 чел. рабочихъ — въ Россіи и Германіи показываетъ, что самыя крупныя предпріятія существуютъ въ Россіи въ большемъ количествѣ чѣмъ въ Германіи, а по количеству рабочихъ русскія предпріятія значительно больше нѣмецкихъ.

	Числокрупн. предпр. (съ 50--1000раб.)	въ нихъ рабочихъ.
Въ Германіи (1895 г.) . .	18.698	2.595,5 тыс. чел.
„ Россіи (1902 г.). . . .	4.722	918,5 „ „

	Число „гигантовъ" (болѣе 1000 раб.).	въ нихъ рабочихъ.	въ среднемъ на одно предпріятіе рабочихъ.
Въ Германіи	296	562,6 тыс.	1900
„ Россіи	302	710 „	2318

[1]) См. А. Погожевъ. Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи. Спб. 1908. Стр. 47 и слѣд.

Такимъ образомъ, не только количество самыхъ крупныхъ предпріятій въ Россіи значительно больше, чѣмъ въ Германіи, но и по своимъ размѣрамъ крупнѣйшія предпріятія превосходятъ германскія. Въ среднемъ каждое крупное предпріятіе въ Россіи имѣетъ рабочихъ больше, чѣмъ германское, болѣе, чѣмъ на 400 человѣкъ.

Сравненіе размѣровъ предпріятій въ Россіи и Бельгіи обнаруживаетъ ту же особенность развитія капитализма въ Россіи. Въ Бельгіи по переписи 1896 года насчитывалось 184 предпріятія, имѣющихъ каждое болѣе 500 рабочихъ. Всего въ этихъ предпріятіяхъ было 160 тыс. рабочихъ, т. е., въ среднемъ, по 870 чел. на одно предпріятіе. Въ Россіи такихъ предпріятій насчитывалось въ 1902 году 676, въ которыхъ было 805,3 тыс. рабочихъ; въ среднемъ на каждое предпріятіе приходится около 1200 рабочихъ. Такимъ образомъ, хотя Бельгія является страной съ наиболѣе развитымъ капитализмомъ, хотя она работаетъ на міровой рынокъ, а русскій капиталъ производитъ почти исключительно для внутренняго рынка, но обширные размѣры государства даютъ возможность организаціи наиболѣе крупныхъ предпріятій даже при недостаточномъ развитіи въ странѣ капиталистическаго производства.

Эти производственныя условія облегчаютъ возможность стихійной организаціи рабочихъ массъ, несмотря на отсутствіе у нихъ историческаго опыта. Но, насколько организація производства содѣйствуетъ образованію широкихъ рабочихъ организацій, настолько же прошлое развитія крупной промышленности,— отсутствіе у рабочихъ опыта экономической и политической борьбы,— облегчаетъ возможность разрушенія такихъ организацій.

Выше мы указывали на то, что обширность территоріи и постоянная колонизація окраинъ содѣйствовали развитію внѣгородскихъ промысловъ, соединенію обрабатывающей промышленности съ земледѣліемъ. Съ развитіемъ капитализма эти, такъ сказать, „естественныя“ условія соціальнаго быта отразились на развитіи промышленности съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, образовалось много промышленныхъ центровъ въ различныхъ частяхъ страны, отдаленныхъ огромными разстояніями другъ отъ друга. Это давало преимущество русскому капиталу передъ иностраннымъ въ томъ отношеніи, что промышленность могла развиваться при наиболѣе выгодныхъ для нея естественныхъ условіяхъ. Указанное преимущество, впрочемъ, еще не использовано цѣликомъ русскимъ капитализмомъ, такъ какъ во многихъ пунктахъ благопріятныя естественныя условія не совпадаютъ съ благопріятными соціальными условіями: многія мѣстности съ огромными природными богатствами не могутъ быть использованы для

капиталистической эксплуатаціи вслѣдствіе малой населенности такихъ мѣстъ, отсутствія тамъ рабочихъ рукъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, разбросанность промышленныхъ центровъ не благопріятствовала проявленію силы рабочаго движенія.

Другая сторона развитія промышленности, на которую повліяло соединеніе земледѣлія съ индустріей заключалась въ томъ, что капиталистическое производство въ Россіи организуется больше внѣ городскихъ поселеній.

До развитія капитализма обрабатывающая промышленность въ Россіи развивалась не въ городѣ, а въ деревнѣ, не въ мастерской ремесленника, а въ свѣтелкѣ кустаря. Поэтому крупное капиталистическое производство организуется больше въ деревнѣ, около раззоренныхъ кустарей, а не въ городѣ. Тамъ капиталъ находитъ подготовленныхъ кустарнымъ промысломъ рабочихъ, тамъ же находитъ и болѣе дешевый трудъ людей, „не избалованныхъ“ городомъ, менѣе культурныхъ, но болѣе покорныхъ. По Европейской Россіи крупныхъ (имѣющихъ болѣе 500 рабочихъ) предпріятій, расположенныхъ внѣ городовъ, было въ 1902 г. 62,9% всѣхъ предпріятій этой категоріи, а рабочихъ на внѣ городскихъ фабрикахъ было 64,8% изъ общаго числа лицъ, работающихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ.

Эта оторванность отъ города и территоріальная распыленность крупнаго производства не только ослабляла рабочее движеніе, но и задерживала интеллектуальное развитіе рабочаго класса. Сложность городской общественной жизни не захватываетъ рабочаго, болѣе бѣдная жизнь пригородовъ и глухихъ фабричныхъ мѣстечекъ затрудняетъ пониманіе всей совокупности общественныхъ отношеній, которыя слагаются съ развитіемъ капитализма.

Развитіе рабочаго класса въ Россіи тѣсно связано съ ростомъ крупнаго производства и шло параллельно съ развитіемъ крупной буржуазіи.

При господствѣ кустарнаго производства, при полномъ почти отсутствіи ремесла и мануфактуры до развитія крупныхъ капиталистическихъ предпріятій у насъ отсутствовалъ и классъ ремесленныхъ рабочихъ, которые въ западно-европейскомъ городѣ составляли значительную часть населенія.

Крупный капиталъ въ Россіи могъ сразу воспользоваться усовершенствованной техникой Запада и сразу организовать крупное фабричное производство. Оно развилось, минуя переходныя стадіи своего развитія—ремесло и мануфактуру. Фабрика конкурировала съ кустаремъ—земледѣльцемъ, а не съ мелкимъ капиталистомъ—ремесленникомъ; желѣзная дорога вытѣсняла извозопромышленника—крестьянина; пароходъ лишалъ работы бур-

лака—крестьянина и т. д. Вообще крупное производство боролось съ крестьянскимъ хозяйствомъ, если называть борьбой безпрепятственное развитіе крупнаго производства на счетъ промышленниковъ—крестьянъ,—а не съ ремесломъ и мануфактурой.

Такой характеръ развитія промышленности въ городѣ наложилъ отпечатокъ и на идеологію городской демократіи и на характеръ борьбы рабочаго класса.

Мы уже указывали на своеобразный характеръ русской городской мелкой и средней буржуазіи. Не имѣя вѣковыхъ традицій мелкобуржуазнаго строя, родившись вмѣстѣ съ появленіемъ крупнаго капитала, мелкая и средняя буржуазія (правильнѣе—буржуазная интеллигенція) не выработала чистыхъ демократовъ-борцовъ за политическую свободу. Борьба крупнаго капитала съ крестьянствомъ заставляла интеллигенцію стать на сторону крестьянства и бороться не только за политическое освобожденіе, но и за освобожденіе отъ господства крупнаго капитала. А тѣсная связь между крупнымъ капиталомъ и государственной властью до самаго конца XIX вѣка постоянно наталкивала на мысль, что политическое освобожденіе будетъ связано съ освобожденіемъ и отъ господства капитала. Въ XIX вѣкѣ такія иллюзіи питались народническими теченіями, полагавшими надежды на крестьянство, которое, какъ мы замѣтили, страдало больше всего отъ развитія капитализма. Въ революціонный періодъ эти иллюзіи отразились и на нѣкоторыхъ соціалдемократахъ, которые стали также говорить о диктатурѣ пролетаріата и крестьянства, т. е. раздѣляли тѣ же иллюзіи, но въ замаскированномъ видѣ: политическая диктатура классовъ, враждебныхъ крупной буржуазіи, исключаетъ ея господство и въ области экономическихъ отношеній, т. е. ведетъ къ уничтоженію крупнаго производства.

Хотя для крупной буржуазіи не было объективныхъ основаній опасаться краснаго призрака, не было объективныхъ условій для разрушенія капиталистическаго строя, но *субъективно* ея страхи имѣли основаніе потому, что среди городской демократіи были широко распространены соціально-революціонныя иллюзіи. Этими иллюзіями были охвачены почти всѣ революціонныя партіи: анархисты, соціалисты-революціонеры и часть соціалъ-демократовъ. Часть городской демократіи тянула сюда, ослабляя буржуазную демократію и внося иллюзію въ рабочую среду и крестьянство. Наступившее потомъ разочарованіе толкнуло эту часть интеллигенціи уже не къ либеральной демократіи, а въ политическій индифферентизмъ.

Такимъ образомъ, городская демократія съиграла своеобразную роль: не создавши сильной демократической партіи, она въ значительной своей части сочувствовала соціализму и шла съ

нимъ и къ крестьянамъ, и къ рабочимъ. Въ средѣ тѣхъ и другихъ она находила полное сочувствіе вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя толкали и часть интеллигенціи къ соціализму. Крестьянство, на особенностяхъ развитія котораго мы остановимся въ другой статьѣ, питалось соціалистическими иллюзіями лишь постольку, поскольку оно надѣялось укрѣпить свое расшатанное хозяйство. Для крестьянства гораздо большую опасность представляло экономическое господство землевладѣльцевъ, какъ сословной группы, чѣмъ грозившее впереди господство капитала.

Соціалистическія утопіи представлялись крестьянамъ въ видѣ упроченія мелкаго хозяйства при будущемъ строѣ. Къ формамъ же земельной собственности крестьяне относились индифферентно, съ одинаковымъ удовольствіемъ соглашаясь и на раздѣлъ помѣщичьихъ земель, на муниципализацію или даже національзацію. Если даже соціалистическая интеллигенція имѣла смутное представленіе о судьбахъ развитія народнаго хозяйства, то вполнѣ понятно, что крестьяне представляли результаты своей экономической и политической борьбы еще болѣе смутно. Крестьяне просто подхватывали лозунгъ „земли и воли“, потому что „воля“ была такъ же необходима, какъ и „земля“.

Среди рабочихъ должны были бы распространяться болѣе правильныя представленія о характерѣ происходящей хозяйственной эволюціи и классовой борьбы. Но и на эту среду своеобразныя условія развитія народнаго хозяйства наложили свой отпечатокъ.

Крупное производство выростало прямо на развалинахъ крестьянскаго продовольственнаго хозяйства. Рабочіе вербовались изъ среды раззорявшагося крестьянства, отрывались прямо отъ плуга. Какъ классы буржуазіи выросли вмѣстѣ съ крупнымъ производствомъ, „не имѣя наслѣдства“ отъ средневѣковаго ремесла и мануфактуры, точно также и рабочіе не имѣли этого наслѣдства, не имѣли опыта ни классовой, ни политической борьбы. Быстрое развитіе крупныхъ предпріятій сразу поставило огромную рабочую массу въ условія наиболѣе обостренной экономической борьбы при развитомъ капитализмѣ.

При такихъ условіяхъ эта рабочая масса прежде всего вступила въ экономическую борьбу съ капиталомъ и лишь на опытѣ экономической борьбы столкнулась съ отсталымъ политическимъ строемъ. Огромныя массы рабочихъ, объединенныя въ крупныхъ предпріятіяхъ, представляли изъ себя колоссальную силу для борьбы и на почвѣ экономической и политической, но ни опыта, ни традиціи, даже въ узкихъ рабочихъ кругахъ, не было. Опытъ

не могъ еще накопиться, когда соціалистическая интеллигенція подошла къ нему съ агитаціей и пропагандой.

Успѣхи соціалистической интеллигенціи среди рабочихъ, ея руководящая роль въ теченіе нѣкотораго періода создали иллюзію, что истинной носительницей соціализма является интеллигенція [1]).

Несомнѣнно, до самаго послѣдняго времени интеллигенція играла руководящую роль во всѣхъ движеніяхъ рабочихъ массъ. Это вызывало отъ времени до времени среди рабочихъ чисто демагогическую агитацію противъ интеллигенціи, хотя агитаторами были также интеллигенты. Не имѣя историческаго опыта, рабочій классъ пропитывался тѣми иллюзіями, которыя приносила ему интеллигенція: переоцѣнкой своихъ силъ въ *данный* историческій моментъ, пренебреженіемъ къ силѣ крупнаго капитала, надеждой въ ближайшій моментъ совершенно свергнуть его политическое господство и взять это господство въ свои руки и т. д. и т. д.

Было бы глубокимъ заблужденіемъ обвинять въ этомъ интеллигентную часть соціалистовъ. Масса увлекалась тѣми иллюзіями, которыя соотвѣтствовали ея пониманію соціальныхъ отношеній, историческаго же опыта ни въ экономической, ни въ политической борьбѣ у нея не было. По условіямъ производства рабочая масса должна была проявлять сильную активность и способность къ широкой массовой организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствіе историческаго опыта дѣлало ее крайне неустойчивой: насколько легко рабочіе, объединенные въ крупныя капиталистическія предпріятія, возбуждались и организовались, настолько же легко ихъ массовыя организаціи должны были разрушаться при неудачахъ и при охлажденіи интеллигенціи къ дѣлу организаціи рабочихъ. Ярче всего отсутствіе самодѣятельности рабочихъ сказывалось въ томъ, что интеллигентъ вплоть до настоящаго времени являлся *необходимымъ* сотрудникомъ почти во всѣхъ организаціяхъ рабочихъ, и въ такихъ явленіяхъ, какъ неаккуратность ихъ взносовъ въ профессіональныя кассы и т. д.

И вслѣдствіе отсутствія политическаго опыта, и вслѣдствіе отсутствія самодѣятельности рабочіе раздѣляли тѣ иллюзіи, которыя приносила къ нимъ интеллигенція о возможности добиться теперь же полнаго политическаго господства. Такимъ образомъ

---

[1]) П. Лавровъ создалъ даже теорію о „критически мыслящихъ личностяхъ“, которыя являются истинными представителями интересовъ народныхъ массъ. Аналогичные выводы уже въ началѣ XX ст. дѣлалъ Ленинъ, утверждавшій, что безъ соціалистической интеллигенціи рабочій классъ уйдетъ въ экономическую борьбу, что соціализмъ въ рабочую среду привносится извнѣ.

красный призракъ, испугавшій крупную буржуазію, имѣлъ реальныя основанія. Не только крупной буржуазіи мерещилась въ настоящее время, а не въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ соціальная революція, но на нее надѣялись и представители пролетаріата.

Для людей, питавшихъ надежду не сегодня-завтра избавиться отъ наиболѣе тяжкихъ сторонъ современнаго строя, не легко отказаться отъ такихъ иллюзій, не легко спуститься съ облаковъ на землю. Разочарованіе, по крайней мѣрѣ у отдѣльныхъ личностей, является не въ самыхъ иллюзіяхъ, а въ методахъ борьбы. Если массовое движеніе ничего не дало, является надежда достигнуть той же цѣли болѣе отчаянными усиліями отдѣльныхъ личностей. Если даже такимъ путемъ ничего нельзя достигнуть, то лучше погибнуть,—такова должна быть психологія обманувшихся утопистовъ. Является максимализмъ, анархизмъ и прочія проявленія распыленнаго массоваго движенія, еще болѣе ослабляющія возможность рабочему классу сохранить то немногое, что удалось отвоевать. Если сила проявленія анархическихъ и заговорщическихъ формъ борьбы является указателемъ глубины пораженія того класса, который начинаетъ къ нимъ прибѣгать, то правиленъ и обратный выводъ: ослабленіе этихъ формъ борьбы указываетъ на то, что классъ начинаетъ понимать, что для него достижимо въ ближайшемъ же будущемъ.

Основная черта экономическаго развитія Россіи—расцвѣтъ крупнаго капиталистическаго производства непосредственно на развалинахъ натуральнаго хозяйства—отразился, такимъ образомъ, не только на характерѣ буржуазныхъ классовъ, но и на рабочемъ классѣ. Позиція крупной буржуазіи, до начала XX вѣка тѣсно связанной со старымъ режимомъ, давала основаніе полагать, что эта связь является прочной и неизмѣнной. Преставленіе о слабости буржуазіи, которое сѣялось народниками, представленіе о ея зависимости отъ государственной власти привилось къ широкимъ слоямъ рабочаго класса, когда во время наиболѣе обостренной общественной борьбы буржуазія въ испугѣ бросилась въ объятія представителей стараго порядка. Революціонныя иллюзіи толкнули рабочихъ въ экономическую и политическую борьбу не только съ крупной буржуазіей, но и съ буржуазной демократіей, борьбу, которая неизбѣжно должна была при существующихъ условіяхъ повести къ пораженію и пролетаріата, и буржуазной демократіи. И нельзя утѣшаться тѣмъ, что если бы не было иллюзій, если бы не было ошибокъ, то не было бы и пораженія. Иллюзіи являлись такъ же исторически необходимыми, какъ и самая общественная борьба: онѣ вытекали изъ всего хода общественнаго развитія.

П. Масловъ